

Ирина Ефимова

*МИЛАЯ
СТАРИНА*

Ирина Ефимова
МИЛАЯ СТАРИНА

«Автор»

2025

Ефимова И.

МИЛАЯ СТАРИНА / И. Ефимова — «Автор», 2025

"Милая старина" - цикл рассказов, наполненных мягкой иронией, сценок из безвозвратно ушедшего прошлого, вызывающих добрую улыбку

© Ефимова И., 2025

© Автор, 2025

Ирина Ефимова МИЛАЯ СТАРИНА

АНОНИМКА

Двадцативосьмилетний поручик Бряхин Калистрат Нифонтович, поразмыслив, пришел к выводу, что хотя за дочерью урядника и нельзя ожидать солидного приданого, но Пульхерия Перепелкина, девушка полногрудая, улыбочивая, румяная и желанная, вполне достойна стать его супругой и нарожать таких же пухленьких наследников. Размечтавшись, Бряхин представил себя в окружении пятерых ребятишек, – на меньшее он даже не рассчитывает, семья должна быть большой! – и решил тут же, не откладывая, обратиться к известной в городе удачливой свахе Аглае Христофоровне Утятиной. Та хоть и взывает за услуги немалую мзду, но, ежели берется, дело верно доводит до свадьбы.

Однако встреча со сводней принесла же-стокое разочарование. Оказалось, что его опередил отставной майор Оглобля Аристарх Кононович, солидный, уже в годах бездетный вдовец, с которым, как выразилась Аглая Христофоровна, «вам, не в обиду будь сказано, трудно тягаться – богат и знатен».

Это ее замечание задело поручика, и он почувствовал себя настолько уязвленным свахой, что решил во что бы то ни стало отомстить обоим: и Утятиной, и возможному жениху, расстроив грядущую свадьбу. Но, что может помешать сему? Перебрав в уме различные варианты, Калистрат Нифонтович остановился на не совсем порядочном, но действенном – клевете. Конечно, следует в глазах майора опорочить невесту! А когда тот откажется от нее, потерявшей стыд, тут-то, не смотря ни на что, и можно посвататься, что, несомненно, будет оценено по достоинству...

Задумано – сделано, и Бряхин послал слугу на почту за конвертом и бумагой – на своей писать поостерегся. При стряпанье пасквиля следует быть осмотрительным, – понимал он, боясь разоблачения, и, взяв в левую руку перо, принялся выводить неверными каракулями:

«Почтеннейший господин майор! Узнав о Вашем желании соединить свою судьбу с девицей Перепелкиной Пульхерией, и уважая Вас и Ваши седины, считаю своим долгом донести, любезнейший... – тут сочинитель на минуту задумался и продолжил: – ...будущий рогоносец, что сия особа весьма порочна! За внешней скромностью ее личины скрывается потерявшая стыд и совесть любительница плотских утех!

Искренне и всегда Ваш почитатель, -
Ананим-доброжелатель».

Уже заклеив конверт, Калистрат Нифонтович понял, что впопыхах искажил слово «аноним», да и вообще оно лишнее – достаточно одного доброжелателя. Но было уже поздно: другого конверта нет, а дело не терпит – того и гляди свадьбу объявят... Сойдет и так.

...На следующий день отставной майор получил кляузное письмо с грязью, марающей его будущую супругу, и решил, что, несмотря на старания этого «грамотея»-клеветника, от нее, конечно же, никогда не откажется. А вот наказать подлеца следует непременно. И Оглобля обратился к местному детективу – частному сыщику Понюшкину.

Никандр Варламович, будучи в розыскных делах опытной ищейкой, понюхав письмо, сразу определил, что написано оно мужчиной. От женщин листок обычно пахнет духами, а записки от противоположного пола разят табаком. Следующим его шагом был поход на почту, где Понюшкин постарался узнать, кто в последние два дня покупал конверты нужного вида.

И тут детектива ожидала удача. Оказалось, что таковых покупателей было всего двое. Кубышкина, пожилая вдова мелкого чиновника местной управы, купила три конверта и тут же отправила в одном письме сыну в Самару. Вторым же покупателем был Аким, слуга поручика Бряхина, проживающего аккурат рядом с почтой.

Кубышкина сразу была отмечена, а вот Бряхин сыщика заинтересовал крайне. Он немедленно стал наводить о молодом военном справки.

Узнав, что тот неженат, Понюшкин решил поинтересоваться у городской свахи, не сватался ли Бряхин к героине доноса. Когда же Аглая Христофоровна ответила, что таковое желание у поручика было, сыщик уже не сомневался, что на верном пути, а поклеп написан левой рукой Бряхина.

В первое мгновение, когда слуга доложил Калистрату Нифонтовичу о частном детективе, просящем принять, молодого человека охватил легкий холодок страха, и появилось желание, сославшись на занятость, отказаться от встречи. Но любопытство узнать, неужели тот вышел на него, или посетитель имеет интерес в неопасном направлении, пересилило страх, и поручик велел Акиму:

– Зови господина Понюшкина!

Когда сыщик заявил, что у него есть неопровержимые доказательства об авторстве пасквиля, написанного левой рукой, и, естественно, он готов представить их майору, Бряхин, окончательно струсив, спросил:

– А нельзя ли нам как-нибудь... договориться?

Поломавшись, детектив высказался в том духе, что, наступив на принципиальность и пренебрегая своим правилом не вступать в сговор с противной заказчику стороной, он, понимая чувства отвергнутого, и из уважения к господину поручику, готов не раскрывать майору имя автора столь неосмотрительно отправленного письма.

– Но я не был отвергнут! – оскорбленный этим предположением заявил анонимщик. – Так сколько я должен заплатить за ваше молчание? – в упор спросил он.

– Пятьсот золотых.

– Что??? – ошарашенный цифрой и наглостью шантажиста, Калистрат Нифонтович был готов указать ему на дверь, но здравомыслие удержало. «А совесть где? Такое заломить!» – подумал поручик, однако спросил: – Изволите шутить, милостивый государь?

– Ошибаетесь, любезнейший. Не раскрыв источник порученного мне дела, я ставлю на кон свою репутацию сыщика и, быть может, потеряю энное количество клиентов. Так что торговаться не будем. Я и так назвал цену по-божески.

«Да на тебе креста нет!» – чуть не крикнула грабителю его жертва, но и тут Калистрат Нифонтович проявил благоразумие и как можно миролюбивее попросил сутки на размышление, а, скорее всего, на сбор данной суммы, так как подобной сейчас нет в наличии.

Мило попрощавшись и пообещав завтра в это же время придти за ответом, наглец ретировался, оставив хозяина дома в растрепанных чувствах. Как быть? Такой оглушительной суммы нет и взять неоткуда. Да и если бы деньги и водились, где гарантия, что этот прохвост не обманет?

Отказаться – значит наверняка обречь себя не только на публичный скандал, но и на бесспорное если не разжалование в солдаты, то уж точно крушение военной карьеры. Эх, вот если бы отставной майор, требуя сатисфакции, вызвал его на дуэль, то, без сомнения, был бы, старый козлице, как заяц, подстрелен – в своей меткости поручик не сомневался. Но этот отставной попрыгунчик, ни на что уже не пригодный, на такое, конечно, не пойдет, предпочтя суд...

Разумеется, можно во всем отпираться: мол, сплошной оговор, полнейший бездоказательный поклеп. Хотя... «А вдруг заставят написать что-либо левой рукой? Тут-то мне и крышка...» – так без конца рассуждал пришедший в ажитацию, загнанный в угол своим же безрассудством несостоявшийся жених.

Единственный выход – что-то сделать с левой рукой. «А что если ошпарить пальцы?» – осенило беднягу. Но тут же эта идея была отброшена: разбирательство могут отложить, пока рука не заживет. Отрубить бы пальцы! Но это несерьезно: истечешь кровью или внесешь

инфекцию, и от заражения сам себя погубишь... Остается одно – избавиться от этого гнуса – детектива. Убить, и дело с концом! Но, как это проверить, чтобы было шито-крыто и не попасться, как с чертовой «ананимой», с которой не иначе бес попутал...

Полночи Бряхин провел в беспросветных размышлениях, но так ничего путного не придумав, уснул.

А утром его словно озарило: «Явившемуся шантажисту следует указать на дверь и угрожать разоблачением перед майором и всем светом! – пронеслось в голове поручика. – Ведь есть свидетель, слушавший весь разговор, стоя за дверью! Слуга готов подтвердить, что, выбрав хозяина жертвой, нанятый майором сыщик Понюшкин Никандр Варламович потребовал от меня за то, чего я никогда не совершал, пятьсот рублей золотом, то есть целое состояние. Отмываться от такого обвинения сыщику вряд ли захочется, а, значит, и передавать данные майору он поостережется!»

Приободрившийся Бряхин решил дать урок вымогателю и ждать реакции майора, а потом уж, судя по обстоятельствам, действовать.

Вечером того же дня поручик в простых выражениях разъяснил погнавшемуся за двумя зайцами Понюшкину, в каком положении тот сам оказался, и с удовольствием выставил шантажиста за порог.

В свою очередь Аристарх Кононович Оглобля, поразмыслив, пришел к выводу, что погорячился, когда, получив пасквиль, не подумал о последствиях и нанял детектива. Ведь начавшийся скандал, едва будет предано огласке имя мерзкого анонимщика, все равно ляжет грязным пятном на его будущую супругу. А так как он в честности и невинности девушки не сомневается, то и незачем вся эта неприятная дребедень: разговоры, сплетни, без которых в обществе не обойтись...

И майор, извинившись и оплатив услугу, попросил сыщика более этим делом не заниматься, даже не пожелавши выслушать его соображения о предполагаемом имени автора пасквиля.

Не дождавшись, к счастью, в отношении себя дальнейших действий отставника, Бряхин был готов уже поверить в возможный благоприятный результат своего наговора. Но неожиданно заявившаяся к нему сводня Утятинна развеяла ожидания молодого человека, сообщив, что сватовство к Пульхерии благополучно состоялось, и назначена дата венчания и свадьбы. Пока же, готовясь к ней, невеста посещает танцкласс, дабы укрепить свои навыки в танцах, так как старый попрыгунчик, видите ли, изъявил желание на торжестве станцевать с супругой мазурку.

А еще сваха высказала поручику очень лестное и заманчивое, по ее мнению, предложение сосватать за него Феклу, дочь стряпчего Теребикина Лавра Мефодьевича, девицу хотя и немного засидевшуюся, но за которой обещается хорошее приданое и соответствующее положение в обществе.

– О вас, уважаемый Калистрат Нифонтович, в этой семье сложилось довольно благоклонное мнение, и в добром приятии вашего предложения нет сомнения! – сладко пела сваха.

– Благодарствую за заботу и почтение, глубокоуважаемая Аглая Христофоровна! – услышала она в ответ, сказанное не менее медовым тоном. – Но я пока не расположен жениться. Так что подыщите для вашей протезе кого-нибудь другого, осчастливив его.

...Сообщение о предстоящей свадьбе соблазнительной Пульхерии с шестидесятилетним отставным майором опечалило беднягу. Ну как упустить ту, которая при случайных встречах теряется, зардевшись, и стыдливо прячет глазки под его горящим взором? Но вскоре, вспомнив сообщение Утятинной о танцклассе, молодому повесе пришла в голову спасительная идея: нужно самому также приобщиться к танцам. Никуда нимфа не денется!

И окрыленный открывающимися перспективами, он твердо уверовал, что детки, которыми юная супруга осчастливит попрыгун-майора, на самом деле будут его, Калистрата Нифонтовича Бряхина. Поручик устроился на козетке и предался приятным мечтаниям.

ЛЕВ

Отличительной чертой Харлампия Пахомовича Кузовкина было умение уживаться с любым начальством. Это, конечно, ценилось руководством, не секрет, любящим угождающих подчиненных. Нет, Кузовкин не был подхалимом, боже упаси! Он не лебезил, не заглядывал в рот и подобострастно не улыбался. Отнюдь нет! Просто опытный служака терпел любые, даже несправедливые замечания, не перечил, и не доказывал свою правоту, а честно и с достоинством выполнял свои обязанности, неизменно следуя любым, порой даже нелепым, указаниям сверху. Патрон ошибаться не может – таково было искреннее убеждение Кузовкина, всякий раз поддерживавшего сторону начальства.

Все это не ускользало от бдительных очей окружающих, с завистью наблюдавших за карьерным ростом коллеги, который из ничтожного клерка вырос до податного инспектора.

Еще была замечена поразительная способность Харлампия Пахомовича непонятным образом торить пути-дорожки к сердцам членов семьи начальства и заводить с ними если не дружбу, то, во всяком случае, доверительные отношения. А добывалось это как раз без особого труда – чуть ли не немедленным исполнением любых, даже самых незначительных просьб...

Так было и в тот день. К чиновнику обратилась Пелагея Сидоровна, супруга его непосредственного начальника, управляющего местной казенной палатой:

– У меня, да и у Леонтия Минеевича, к вам, сударь, большая просьба! – с нажимом сказала она. – Завтра супруг возвратится из инспекционной поездки, ну, вы и сами знаете, и вечером мы пойдем в театр, на премьеру новой постановки водевиля «Лев Гурыч Синичкин». Не пойти нельзя – там будет сам посетивший наш город губернатор, и, конечно, весь бомонд, предводительствуемый городским головой. Вам, разумеется, понятна необходимость нашего там присутствия? Любезный Харлампий Пахомович, вы, надеюсь, в этот вечер свободны?

– Безусловно! Абсолютно! – поторопился заверить ее Кузовкин. – Я не поклонник представлений и, дорогая Пелагея Сидоровна, совершенно не буду занят. Так что со всем нашим удовольствием, всегда к вашим услугам!

– О, благодарю! Вы снимете с наших плеч большой груз, если встретите приезжающую свекровь, маман Леонтия Минеевича, которая завтра вечером пожалует сюда из Оренбурга.

На следующий день, уже готовый отправиться исполнять доверенное поручение, Харлампий Пахомович был остановлен своей строгой дражайшей половиной:

– Милостивый государь, совершенно запомнила предупредить: нынешний вечер вы должны посвятить семье: встретить прибывающую из Самары любимую вами тещу! – с ехидцей заявила мадам Кузовкина, хорошо знающая отношение мужа к ее матери. Он не терпел эту зловещую старуху, везде сующую свой длинный нос и плохо влияющую на собственную дочь. – Поезд приходит, если не опоздает, около девяти, – добавила Алевтина Капитоновна.

– Может, вы сами, дорогая, встретите маменьку? Совершенно упустил вам сказать, что в это время буду весьма занят. Ответственное, видите ли, задание по службе... – попробовал отделаться Кузовкин.

– Меня ваши задания, любезный муженек, не касаются! Можете их отложить, перепоручить, что угодно делайте, а у меня – важная спевка! – отрубил она (Алевтина Капитоновна пела в любительском хоре), и, вильнув, словно хвостом, шуршащими юбками, скрылась за дверь, тем самым исключив возможность спора.

«Вот так незадача!..» – подумал обескураженный услышанным Харлампий Пахомович.

Часовая стрелка приближалась к шести, до прибытия оренбургского поезда с мамашей самого Позмогова оставалось не более часа, и податной инспектор поторопился на вокзал, путь к которому был неблизок.

Всю дорогу бедный Кузовкин провел на взводе: кобыла извозчика, будто назло, плелась еле-еле. Конечно, было бы неплохо, если бы поезд пришел с опозданием, что случалось частенько. Однако тогда можно опоздать к приезду тещи, не успев обернуться снова на вокзал, после препровождения в дом начальника его мамаша. А, не встретив поезд из Самары, не избежать скандала, упреков и проклятий того дня, когда злой рок свел бедную Алевтину Капитоновну с этой мерзкой тварью Кузовкиным...

Неприятные перспективы терзали душу исполнительного чинуши. «Что будет потом – решил он – покажет время, главное сейчас – не застрять по дороге!» Но, именно это и произошло: почти у самого вокзала дорогу преградил железнодорожный шлагбаум. До прибытия оренбургского поезда оставались считанные минуты. Харламий Пахомович сидел, как на иголках, ожидая, пока пройдет явно никуда не торопящийся товарный состав. Наконец, промелькнул последний вагон, но и теперь дежурный по переезду не спешил поднять преграду...

...Сестра почетного гражданина, купца первой гильдии Шеболдаева, отца четырех дочерей, недавно, наконец, дождавшегося рождения сына, отправила брату по этому случаю гостинцы, большей частью собственного приготовления. Посылку из Казани повезла старая Улита, давно осевшая в семье Устины Касьяновны приживалка.

Будучи весьма расчетливой, Улита по прибытии вышла из вагона одной из последних, считая, что торопиться ей нечего, а оставшиеся без пассажиров извозчики, когда масса приезжих разъедется, станут покладистей, и можно будет, поторговавшись, сэкономить денежку.

Когда запыхавшийся Харламий Пахомович выскочил на перрон, он увидел уже отъезжающий поезд. Приняв его за оренбургский, Кузовкин донельзя расстроился: опоздал! Ужас охватил несчастного порученца. Ему доверили, на него надеются, а теперь, где искать мать управляющего, бедную старушку? Что она испытала, поняв, что сын не только сам ее не встретил, но и не организовал встречу и доставку к дому? Как теперь глядеть в глаза уважаемому Леонтию Минеевичу?

Бедняге казалось, что с ним вот-вот случится удар. И вдруг... о счастье! Харламий Пахомович узрел вдали одинокую фигурку благообразной старушечки, стоявшей на платформе рядом с приличного размера саквояжем. Бабушка явно кого-то поджидала. Без сомнения, это матушка Позмогова.

Лучезарная, благостная улыбка сияла на лице Харламия Пахомович, когда он подбежал к Улите:

– С прибытием, почтеннейшая Ульяна Демидовна! – приветствовал чиновник с удивлением воззрившуюся на него старуху.

– Улита я, а не Ульяна! – строго поправила она, недовольно поджав тонкие губы, и отвернулась.

– Простите великодушно! Запомню!

– Вот то-то! – буркнула недовольно Улита, не понимая, что этому господину, явно не извозчику, от нее надо.

А Кузовкин, увидев явное недовольство и поджатые губы, уже не сомневался – перед ним мать начальника. Предупрежденный Пелагеей Сидоровной о крутом нраве ее свекрови, на вопрос: – «А как я узнаю в толпе пассажиров маменьку Леонтия Минеевича?», он тогда услышал неожиданное: – «Самая злобная на вид – это и будет Ульяна Демидовна! Поверьте, милейший Харламий Пахомович, я не шучу. Антр ну, у нашей маман на лице написано – добра от такой не жди! Надменная старуха с вечно поджатыми губами, с большой бородавкой у глаза, – легко узнаете!»

Кузовкин, вспомнив эти слова мадам Позмоговой, внимательно всмотрелся в лицо старухи. Поджатые тонкие губы – на месте, а вот бородавки, о которой говорила супруга начальника, он не увидел. Возле глаз старухи ничего примечательного не было. А вот у ноздри чернела хорошая не то родинка, не то бородавка.

«Наверно, невестка спутала», – успокоил себя податной инспектор. Он решительно подхватил саквояж и уже открыл было рот, намереваясь пригласить гостью пройти к извозчику, как старуха истошно завопила:

– Спасите! Караул! Грабют!

Тут же послышались свистки, и возникшие словно ниоткуда с двух сторон жандармы грубо схватили бедного Харлампия Пахомовича за шиворот и выкрутили ему руки. Ничего подобного не ожидавший, он, вырываясь, возмущенно заявил:

– Позвольте, господа! В чем дело? Очевидно, вышла ошибочка!

– Попался, субчик! Пойдем, разберемся в твоих ошибочках! – пыхтя, сказал толстый жандарм, надевая на руки добропорядочного чиновника наручники.

– А на вид из благородий... – подала голос старуха. – Держите его покрепче да засадите понадежней, чем подольше! Ох, как меня напужал, треклятый! Ишь, на гостинцы позарился, – везла семейству самого купца Шеболдаева!

Несчастный Кузовкин, поняв случившуюся нелепость, стремился объясниться, но от волнения путался:

– Поймите, любезнейшие, я ошибся! Войдите в положение, молю! Меня попросила супруга самого... Встретить мать его!

– Ворюга, да к тому же скабресник! – взвилась старуха. – Как выражается! А еще прикидывается порядочным!

Не выдержав, Харламбий Пахомович выкрикнул:

– Где ваш начальник? Я жаловаться буду!

– Заткнись! – приказал ему толстый жандарм, для убедительности отвесив оплеуху.

– Разберемся! – поддержал коллегу второй полицейский, прибавив и от себя затрещину.

– Да, как вы смеете так со мной? Я, знаете ли...

В этот момент к перрону подошел поезд с объявленной остановкой три минуты, на вагонах которого значилось: «Оренбург-Саратов». На нем, конечно, приехала мать начальника, но Кузовкин встретить ее не мог – беднягу крепко держали руки жандармов. Он вырывался, слезно просил отпустить, клялся, путано объясняя свою ошибку и цель прихода на вокзал. Упомянул даже, ни к селу, ни к городу, свою тещу, которую тоже необходимо встретить. Умолял жандармов вместе пойти и отыскать мать управляющего казенной палатой, чтобы убедиться в невинности мнимого вора. Все было тщетно...

Зато мстительную старуху уважительно выслушали и пообещали, как только доставят схваченного благодаря ней злоумышленника в участок, проводить к купцу Шеболдаеву.

Пока в отделении составляли протокол, пришел поезд из Самары с тещей бедного чиновника, но и ее несчастный не смог встретить. Был вечер, полицейское начальство отсутствовало, и Харлампия Пахомовича заперли в изоляторе, задержав до выяснения личности до следующего дня.

Податной инспектор всю ночь проворочался на жестком ложе, страдая не так от постыдного обвинения в воровстве, как от сознания невыполненного поручения. Как теперь смотреть в глаза Леонтию Минеевичу, которого он так преступно подвел? А ведь, судя по характеру матери начальника, та, разгневавшись, что не встретили, способна повернуть обратно... Ужас!

Терзаемого подобными измышлениями Кузовкина уже почти не волновало, что испытала его теща, оказавшаяся одна на перроне, и какой за этим последует домашний скандал...

Еле дождавшись утра, чиновник, взвинченный до крайности от безысходных дум, стал колотить в дверь и кричать, требуя начальства. Скандалисту пообещали дать по заслугам, если не угомонится.

Наконец, руководитель отделения железнодорожной жандармерии соизволил появиться и, услышав о буйстве пойманного без сомнения опытного не только вора, но и афериста, велел привести задержанного.

Всегда старавшийся уважать любое начальство, Кузовкин на сей раз изменил себе:

– Не смей касаться меня своими грязными лапищами! – гаркнул он конвоиру, который вздумал подтолкнуть арестованного, едва они переступили порог служебного кабинета.

Харлампий Пахомович, распалившись и окончательно потеряв самообладание, тут же обрушился на главного жандарма, важно сидевшего за массивным столом:

– По какому праву меня, дворянина, отмеченного высокими благодарностями, податного инспектора Кузовкина, схватили и держали со вчерашнего вечера в кутузке, вместе с клопами и тараканами? Я этого так не оставлю! – ревел и рычал чиновник. – Задержать при исполнении задания, полученного от самого управляющего казенной палатой, статского советника Позмогова Леонтия Минеевича, моего непосредственного начальника!..

Услышав такое, жандарм даже приподнялся:

– Успокойтесь, почтенный э-э... Простите великодушно, запомнил, как вас величают?

– Бог простит! Кузовкин я!

– Уважаемый господин Кузовкин, мы немедленно разберемся! А вы действительно...

Этот вопрос окончательно вывел из себя незаслуженно обвиненного в постыдном поступке. Мало ему случившегося, так он, этот служака еще смеет сомневаться в правдивости сказанного!

– Да как вы смеете задавать мне подобные вопросы? И почему я должен, стоя в наручниках, отвечать тому, чьи подручные нанесли мне, государственному чиновнику при исполнении, словесные оскорбления с рукоприкладством, и кто сейчас подвергает сомнению сказанное мною?! Уверен – вам все превосходно разъяснит ваше начальство, к которому, без сомнения, обратится, кроме меня, и сам управляющий! Ведь из-за этого насильственного задержания бедная престарелая матушка господина Позмогова, приехавшая из Оренбурга, никем не была встречена, и неизвестно, что с ней стало после!

– Освободить руки! – грозно рявкнул обер-офицер конвоиру. – А вы, почтеннейший господин Пузовкин...

– Кузовкин я! – с нажимом поправил его податной инспектор.

– Прошу пардону! Садитесь, садитесь поудобней и спокойно расскажите... – елеинным голосом пытался разрядить обстановку хозяин кабинета, вытирая лоб огромным платком. – Зачем же беспокоить по пустякам мое и ваше руководство? Неужели мы не пойдем друг друга?

Было очевидно, что этот жандарм, как огня, боится начальства, и, словно вошь за тулуп, держится за свой стул.

Немного поостыв, Харлампий Пахомович объяснил, что из-за небольшой ошибочки он, встречая мать уважаемого управляющего казенной палатой, принял за нее какую-то мерзкую скандальную старуху.

Полицейский, выслушав Кузовкина, приободрился, и, стараясь изо всех сил придать физиономии благодное выражение и самый сервильный вид, изрек:

– Все ясно! У вас, как и у нас, вышла, как вы справедливо заметили, ошибочка, накладка. Так что, мы квиты-с! Со своей стороны приношу все мыслимые извинения. Нижние чины получают взыскания, уж не сомневайтесь! Такого Вошанкину и Жеребому мизерабля покажу! А начальство не следует трогать. У него и без нас, миль пардон, забот полон рот!

К полудню уважаемого господина Кузовкина отпустили из отделения и на казенном экипаже доставили к порогу дома.

История эта имела для Харлампия Пахомовича многие последствия: в волосах засеребрилась седина, управляющий стал смотреть на него волком, а жена с тещей в один голос заявили, что «...так горю луковому и надо – получил сполна за свое угодничество!» И без того тишайший, чиновник стал, как огня, бояться любых просьб и начальства тоже. Ошибочка вышла боком...

Но те десять минут, когда он рвал и метал перед насмерть перепуганным, превратившимся в ничтожную козявку жандармом, запали в душу навсегда. «Значит, не так прост Кузовкин! – говорил он себе, изредка вспоминая эту историю. – При случае можем и львом-с обернуться! Не забалуешь!»

НАГРАДА

Насмешливым выражением лица, а порой и звонким, казалось, беспричинным смехом Олимпиада Федуловна частенько смущала и ставила в тупик приятельниц и просто знакомых, заметив у кого-либо из них новую, идущую к лицу прическу, или богатую, элегантную обновку. Еще любимым занятием завистницы было награждать обидными прозвищами удачливых и привлекательных особ.

Выросла Олимпиада в семье, глава которой, имея пристрастие к азартным играм, – картам, рулетке, скачкам, – быстро просадил не только свое немалое состояние, но и наследство безвольной супруги. Та обожала увлекающегося Федула Зиновьевича и прощала ему все, считая подобные прегрешения еще не самыми худшими мужскими шалостями.

Их единственная дочь, с раннего детства лишенная многого, с завистью смотрела на красивые дорогие куклы и наряды сверстниц. С годами завистливость стала неотъемлемым качеством Липочки, порождавшим неодолимое стремление побольше уколоть и насолить всякому обладателю того, что было ей недоступно.

Учась в гимназии, девочка страдала от своей, далекой от совершенства, внешности, терявшейся в сравнении со многими соученицами. Еще неоформившаяся, ее фигура не впечатляла, а лицо сильно проигрывало из-за длинного носа с горбинкой, доставшегося в наследство, по-видимому, от деда, отца маменьки, – грузинского князя. Раздражали Липочку и подростковые прыщики, поселившиеся на лбу и подбородке. Единственным украшением лица были лучистые, прекрасной миндалевидной формы, наполненные веселым задором темнокarie глаза, которые никак не выдавали злость и зависть Липочки к счастливицам, пользующимся успехом у противоположного пола и успевшим уже закрутить свои первые романы...

Сколько горьких минут испытала она на гимназических балах, когда приходилось танцевать с такой же невзрачной подружкой: обеими пренебрегали кавалеры, приглашенные из соседней мужской гимназии.

За все годы учебы, как и в дальнейшем, девушка не услышала и не прочла ни единого слова признания в любви. Зато не было счету насмешливым прозвищам и желчным эпитетам, достававшимся от нее соученицам и их поклонникам...

Непривлекательная бесприданница тще-тно ожидала сватовства. Но, как ни старалась опытная сваха, на пересидевшую в девицах Липочку охотников не находилось. И лишь благодаря активным стараниям очень тем огорченной маменьки, дочь все же удалось выдать за дальнего родственника шурина, семидесятидвухлетнего бездетного вдовца.

Жених оказался не только в неприлично солидных летах, но и весьма неказист. Однако после уговоров маменьки и тетушек двадцатисемилетняя Олимпиада, решив, что на безрыбье и рак – рыба, все же согласилась обвенчаться с жалким старикашкой, как она стала называть суженого. Брак свой невеста полагала неравным: разве могли сравниться с древним княжеским родом, к которому принадлежала она, какие-то выскочки, получившие дворянский титул в екатерининские времена! К тому же сравнительно невысокий чин надворного советника в

отставке не придавал Колдобину Демьяну Флегонтовичу дополнительных достоинств. Правда, чего не отнять, он был неглуп, скромн и пользовался уважением в обществе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.